

«Нельзя до бесконечности эксплуатировать терпение коммунистов...». Особая позиция В. М. Молотова в вопросе о сближении с Югославией и ее критика Н. С. Хрущевым глазами рядовых членов КПСС (1955 г.)

Стыкалин Александр Сергеевич
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация
Ведущий специалист
Российский государственный архив социально-политической истории
125009, ул. Большая Дмитровка, д. 15, Москва, Российская Федерация
E-mail: zhurslav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Цитирование

Стыкалин А. С. «Нельзя до бесконечности эксплуатировать терпение коммунистов...». Особая позиция В. М. Молотова в вопросе о сближении с Югославией и ее критика Н. С. Хрущевым глазами рядовых членов КПСС (1955 г.) // Славянский альманах. 2024. № 3–4. С. 427–453. DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.22

Текст поступил в редакцию 06.05.2024.

Аннотация

После смерти Сталина 5 марта 1953 г. его преемники по кремлевскому руководству встали перед необходимостью внести определенные коррективы в конфронтационную внешнюю политику СССР. Требовал своей развязки и советско-югославский конфликт, остававшийся серьезным источником напряженности не только в региональном, но и в общеевропейском масштабе. К началу 1955 г. в советской политике на югославском направлении формируются два подхода. В. М. Молотов предлагал довольствоваться нормализацией отношений с Югославией по стандартам контактов с «обычным капиталистическим государством» и некоторым оживлением экономических связей с ней. Н. С. Хрущев при поддержке большинства членов Президиума ЦК КПСС хотел взять курс на вовлечение крупной и стратегически важной балканской страны в советский лагерь, рассчитывая, что это станет явным внешнеполитическим успехом СССР. Позиция Молотова

оказалась более реалистичной: титовская Югославия, проявив интерес к нормализации отношений и расширению сотрудничества с СССР, вместе с тем всячески противилась любым попыткам ограничить ее суверенитет. Не решив поставленной внешнеполитической задачи, Хрущев вместе с тем использовал особое мнение своего оппонента в целях ослабления его положения в руководстве КПСС. Это вызвало непонимание в партийной среде. Включенные в нашу публикацию анонимные письма показывают, что в атмосфере начала оттепели середины 1950-х гг. рядовые коммунисты все чаще поднимали острые вопросы, которые при жизни Сталина затрагивать было не принято из опасений преследований. Они, в частности, указывали на некорректность критики Молотова на июльском пленуме ЦК КПСС 1955 г., в основе которой лежали не столько поиски оптимального курса, сколько беспринципная борьба за власть, способная, по мнению отправителей писем, нанести ущерб авторитету партии.

Ключевые слова

Советско-югославские отношения, Н. С. Хрущев, В. М. Молотов, И. Броз Тито, борьба за власть в СССР после 1953 г., оттепель в СССР, общественное мнение в СССР, письма во власть.

Публикуемые ниже архивные документы из персонального фонда Г. М. Маленкова в РГАСПИ – два письма в ЦК КПСС рядовых членов партии – отражают реакцию в низовых кругах КПСС на событие внутривнутриполитической жизни СССР первых послесталинских лет, тесно связанное с изменениями во внешней политике страны. Речь идет об инициированной Н. С. Хрущевым на июльском пленуме ЦК КПСС 1955 г. критике В. М. Молотова, который вопреки генеральной линии руководства партии и страны продолжал упорно настаивать на том, что с Югославией надо нормализовать отношения только по государственной линии как с «буржуазным государством», отказавшись от бесплодных, по его мнению, попыток вовлечь ее в лагерь стран, строящих социализм. В решении пленума от 12 июля, принятом на основании заслушанного 9 июля доклада Хрущева по итогам поездки советской правительственно-партийной делегации в Югославию, была осуждена «неправильная позиция т. Молотова по югославскому вопросу, как не соответствующая интересам Советского государства и социалистического лагеря и не соответствующая принципам ленинской политики». Как отмечалось далее, «позиция

т. Молотова вела к закреплению ненормальных отношений с Югославией и к дальнейшему отталкиванию Югославии в империалистический лагерь»¹. Газета «Правда» 13 июля дала краткую информацию об итогах пленума ЦК КПСС, состоявшегося 4–12 июля, и о принятых на нем постановлениях. Об особой позиции Молотова и ее осуждении не было упомянуто. В самый канун Женевского саммита четырех великих держав (первого после 1945 г.) руководство КПСС не сочло целесообразным демонстрировать всему миру разногласия в советской верхушке по одному из существенных внешнеполитических вопросов, тем более что речь шла о В. М. Молотове, фигуре, обладавшей широкой международной известностью и к тому же всего за считанные дни до начала пленума выступившей от имени советского правительства с программной речью на юбилейной сессии ООН в Сан-Франциско, посвященной 10-летию образования этой организации. Однако полный текст постановления был донесен до широкого партактива, его зачитывали на партсобраниях по всей стране.

Через два года после устранения с политической арены Л. П. Берии и через полгода после январского пленума ЦК КПСС, на котором был раскритикован Г. М. Маленков, вскоре освобожденный от обязанностей председателя Совета министров СССР, произошел еще один ключевой эпизод острой внутриполитической борьбы, развернувшейся в «коллективном руководстве» КПСС между наследниками Сталина. Правда, Молотов сохранил за собой, как и Маленков, место в Президиуме ЦК КПСС, вплоть до конца мая 1956 г. он оставался и министром иностранных дел. Развязка наступила позже, и повод дали сами оппоненты Хрущева, предпринявшие в июне 1957 г. попытку его смещения, оказавшуюся неудачной. Как известно, июньский пленум ЦК КПСС нанес удар по так называемой «антипартийной группе» Маленкова – Кагановича – Молотова². Финальная точка в деле устранения соперников Хрущева в борьбе за внутрипартийное влияние была поставлена через четыре месяца, в октябре 1957 г., с отстранением от должности министра обороны маршала Г. К. Жукова, выведенного также из высших партийных органов³.

1 Цит. по: Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008. С. 585.

2 См.: Молотов, Маленков, Каганович. 1957: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998.

3 Георгий Жуков: Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие материалы. М., 2001.

Так был расчищен путь к единоначалию Хрущева, в конце марта 1958 г. совместившего две главные должности в стране – первого секретаря ЦК КПСС и председателя Совмина СССР.

Известно, что в результате конфликта 1948 г. между И. Сталиным и И. Брозом Тито верхушка югославской компартии была обвинена в национализме и правоуклонизме, а затем, после отказа подчиниться диктату Москвы, отлучена от мирового коммунистического движения⁴. Во многом именно на антиюгославской платформе, при безоговорочном подчинении национальных коммунистических элит единому центру, происходила консолидация формирующегося советского блока⁵. Советско-югославские отношения, достигнув своей низшей точки к осени 1949 г., когда в Будапеште в сентябре состоялся громкий судебный процесс по делу Ласло Райка со сфабрикованными обвинениями в адрес руководства КПЮ (а вслед за этим в ноябре была принята резолюция Коминформа «Югославская компартия во власти убийц и шпионов»), продолжали и в последующие годы оставаться предельно напряженными, балансируя на грани перерастания в настоящую войну: вдоль границ стран – сателлитов СССР с Югославией находилось большое количество войск и боевой техники, происходили частые приграничные инциденты⁶. Не утихала и мощная пропагандистская кампания, направленная своим острием против титовской Югославии.

Со смертью Сталина 5 марта 1953 г. его соратники по кремлевскому руководству должны были внести определенные коррективы в конфронтационную внешнюю политику СССР, чреватую перерастанием холодной войны в полномасштабное вооруженное столкновение с США и их союзниками. Требовал своей развязки и советско-югославский конфликт, остававшийся серьезным источником

4 Это нашло отражение в резолюциях второго и третьего совещаний Коминформбюро. См.: Совещания Коминформа. 1947/1948/1949. Документы и материалы. М., 1998.

5 *Гибианский Л. Я.* Форсирование советской блоковой политики // Холодная война. 1945–1963. Историческая ретроспектива / отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. М., 2003. С. 137–186. См. также: Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока, 1946–1953 гг. Очерки истории / отв. ред. А. С. Аникеев. М.; СПб., 2017.

6 Из литературы на русском языке см.: *Хорняк А.* Венгеро-югославская пограничная полоса в годы разрыва И. В. Сталина и Й. Броза Тито // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Ставрополь, 2016. Вып. II. С. 209–222.

напряженности не только в региональном, но и в общеевропейском масштабе. Прежняя политика на югославском направлении была признана несостоятельной уже на июльском пленуме ЦК КПСС 1953 г. При всей инерции прежних подходов в советском руководстве уже к этому времени однозначно возобладала линия на восстановление нормальных отношений с Белградом, разногласия по этому вопросу не находят отражение в известных нам документах. Показательно весьма откровенное признание министра иностранных дел СССР В. М. Молотова, сделанное на пленуме: «Президиум ЦК пришел к выводу, что нельзя дальше продолжать проводившуюся в последнее время линию в отношениях с Югославией. Стало ясно, что поскольку нам не удалось решить определенную задачу лобовым ударом, то следует перейти к другим методам. Было решено установить с Югославией такие же отношения, как и с другими буржуазными государствами, связанными с Северо-Атлантическим агрессивным блоком, – послы, официальные телеграммы, деловые встречи и пр.»⁷. Вполне прямолинейное указание на сохранение в силе определенной задачи, которую, однако, следовало решать иными, нежели предполагалось ранее, методами, делало очевидной актуальность прежних установок на смещение действующего руководства Югославии как неудобного. Вместе с тем в Москве до некоторой степени осознали, что в условиях советского вызова режим Тито не только консолидировался во внутриполитическом плане (временно отошли в тень и крайне острые межэтнические противоречия, в полной мере проявившиеся в годы Второй мировой войны), но и своим смелым противостоянием сталинскому диктату снискал уважение в мире далеко за пределами коммунистического движения, что нашло отражение в расширении внешних связей страны. Хотя титовская Югославия все еще оставалась отлученной от этого координируемого из Москвы движения и воспринималась как часть враждебного социализму мира, летом 1953 г. в советском руководстве уже не квалифицировали ее как «особого», наиболее принципиального врага, а к концу того же года отношения с ней были выведены на уровень стандартных контактов с некоммунистическими государствами. После 4-летнего перерыва Москва и Белград обменялись послами⁸.

7 Дело Берии. Пленум ЦК КПСС 2–7 июля 1953 г. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 164–165.

8 См. подробно: *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации... Глава II.

За этим первым шагом со всей неизбежностью должен был последовать второй. Задачи укрепления советского влияния в Юго-Восточной Европе и ослабления напряженности на границах соцлагеря способствовали тому, что нормализация отношений с титовской Югославией быстро выдвинулась в число приоритетов внешней политики СССР. При всех дежурных демагогических нападках на установленный титовцами «фашистский строй» (которые распространялись советской пропагандой до осени 1954 г.) в Москве отдавали себе отчет в сходстве советской и югославской систем и знали, что, активизировав после разрыва с СССР экономические связи с Западом⁹, Федеративная Народная Республика Югославия (ФНРЮ) вместе с тем сохранила монопольную власть Союза коммунистов Югославии (СКЮ)¹⁰ и не отказывалась от провозглашенного курса на строительство социализма. Приверженность правящей югославской элиты коммунистическим догмам особенно отчетливо проявилась в начале 1954 г. в острой критике члена узкого руководства СКЮ М. Джиласа, по сути предложившего в серии статей программу радикального реформирования югославской политической системы.

Кампания против Джиласа (одного из наиболее последовательных и жестких критиков советской модели) и его последующее удаление из руководства СКЮ были восприняты в Москве с удовлетворением, как знак того, что в руководстве Югославии идут по правильному пути. Вместе с тем исключительная резкость разрыва 1948–1949 гг. создавала огромные трудности на пути к примирению, ведь обе стороны в прежние годы слишком далеко зашли во взаимных обвинениях. По представлениям югославских лидеров, нормализация отношений с СССР ни в коем случае не могла иметь ничего общего с «капитуляцией» перед Москвой на предложенных ею условиях, сколь бы они ни были выгодны Югославии. В Белграде не верили в искренность советского руководства, в его готовность признать ФНРЮ в качестве равноправного партнера, в новой политике СССР зачастую видели лишь маневр, направленный на то, чтобы воспрепятствовать проведению ФНРЮ независимой внешней политики, а в перспективе превратить ее в советского сателлита. Скептицизм приходилось преодолевать и в Москве в силу растущей зависимости ФНРЮ от западной экономической помощи. Вообще для каждой из сторон

9 См.: *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002.

10 В который в 1952 г. была преобразована компартия Югославии.

первый шаг к примирению был связан с опасениями «потери лица», ослабления престижа.

Дистанцируясь от блока НАТО, Югославия согласилась лишь на вхождение в региональный Балканский пакт с участием Греции и Турции. Активизация в 1954 г. военной составляющей этого пакта не только не охладила решимости послесталинского «коллективного руководства» СССР к дальнейшему сближению с Югославией, но и, напротив, стимулировала усилия, направленные на сдерживание американского военно-политического влияния в этой стране, предотвращение ее постепенного втягивания в систему западных военно-политических блоков и экономических союзов¹¹, явно не отвечавшего стратегическим интересам СССР на Балканах. Неоднозначность внешней политики ФНРЮ, разноречивость импульсов, исходивших из Белграда, открывали в 1954–1955 гг. простор для реализации альтернатив в советской политике на югославском направлении. В конце концов выбор был сделан в пользу более активных действий, нацеленных на преодоление последствий разрыва двух стран.

Осенью 1954 г. Москва предприняла новый шаг. В советской прессе прекратилась пропаганда против белградского режима, были распущены антититовские организации югославских коммунистов, взявших в конфликте сторону Коминформа¹² и нашедших прибежище в СССР, начали изыматься из широкого обращения книги и брошюры, содержавшие выпады, «находящиеся в противоречии с политикой нормализации отношений между СССР и Югославией»¹³. 20 октября газета «Правда» в связи с 10-летием освобождения Белграда от нацистов уважительно высказалась о роли народно-освободительной армии Югославии во Второй мировой войне, что сильно контрастировало с привычной риторикой последних сталинских лет, когда Тито назывался едва ли не пособником германского фашизма. 28 ноября члены советского руководства посетили югославское посольство в Москве

11 Это втягивание способна была облегчить и заключенная в 1954 г. договоренность Югославии с Италией по Триесту, означавшая частичное урегулирование проблемы, ранее сильно отягощавшей отношения ФНРЮ с соседней страной – членом НАТО.

12 Образованное осенью 1947 г. Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (Коминформ) выступало главным инструментом антиюгославской пропагандистской кампании.

13 Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 28. Д. 138. Л. 117.

по случаю Дня независимости ФНРЮ. 20 декабря были начаты переговоры о торговых отношениях, завершившиеся в январе 1955 г. подписанием соглашения о товарообмене на 1955 г.

К началу 1955 г. Москва оказалась перед дилеммой: можно было довольствоваться нормализацией отношений с «ревизионистской» Югославией как с «обычным капиталистическим государством» и некоторым оживлением разносторонних, в частности экономических, культурных связей с ней (такого мнения последовательно придерживался В. М. Молотов), а можно было решиться на большее, памятуя о том, что с конца Второй мировой войны именно Югославия быстрее других стран продвигалась к социализму в его советско-сталинском понимании. Н. С. Хрущев, а вслед за ним и большинство членов Президиума ЦК КПСС выступили за реализацию этой, более решительной, линии. Взяв курс на сближение с наиболее крупной и стратегически важной балканской страной, имевшей также выход в Средиземноморье, они исходили из того, что возвращение Югославии в сферу влияния советской политики стало бы наиболее явным внешнеполитическим успехом СССР после смерти Сталина. С другой стороны, в Кремле осознавали, что дальнейший дрейф Югославии к Западу (вполне реальный после разрешения триестской проблемы) означал бы неудачу с точки зрения интересов СССР; отсутствие инициативы, выжидательная позиция были тем более неэффективны, поскольку сама ФНРЮ вела весьма активную внешнюю политику, уже не ограничивавшуюся европейским континентом. С участием в Бандунгской конференции (апрель 1955 г.), по сути положившей начало Движению неприсоединения, она идет на сближение со странами, освобождавшимися от колониальной зависимости.

Однако дело, очевидно, не сводилось к внешней политике. Задумав осуществить прорыв на югославском направлении, Хрущев, заинтересованный в укреплении внутривластных позиций и ослаблении конкурентов в борьбе за власть, вполне мог рассчитывать на то, что даже частичный успех в деле возвращения Югославии в социалистический лагерь станет серьезной козырной картой против скептика Молотова. Доказав неспособность своего оппонента к выработке новых, более смелых, но при этом эффективных внешнеполитических подходов, Хрущев надеялся отодвинуть влиятельнейшего Молотова на вторые роли в советской политике в интересах собственного становления в качестве бесспорного лидера в послесталинском руководстве.

Что касается югославской стороны, то Тито и его окружение не видели интереса в том, чтобы нарушить обозначившуюся позитивную динамику в развитии отношений с СССР и его союзниками.

И дело было не только в осознании выгод от снижения напряженности на границах и налаживания экономического сотрудничества с советским блоком. При сохранении внешнеполитической независимости и внеблокового статуса Югославии, а также продолжении линии на активизацию контактов с Западом любые серьезные подвижки в отношениях с СССР можно было бы преподнести как внутреннему, так и международному общественному мнению как победу в конфликте с большой державой. Особое значение придавалось тому, чтобы именно советская делегация на высшем уровне (т. е. делегация, представляющая сторону, инициировавшую разрыв) первой посетила Белград в целях возобновления нормального межгосударственного диалога.

Когда была достигнута принципиальная договоренность о поездке в Белград, в Москве началась усиленная подготовка двусторонней встречи, разрабатывались директивы для советской делегации, которыми следовало руководствоваться в ходе переговоров при обсуждении конкретных вопросов международных отношений и двусторонних связей¹⁴. Принципиальный характер имело выявление сути существовавшего в Югославии политического режима, его классовой природы с позиций коммунистической идеологии. В экспертной записке, представленной в ЦК КПСС специально назначенной комиссией ученых-обществоведов, отмечалось, что «по экономической структуре, а также по классовой природе государственной власти Югославию нельзя отнести к государству буржуазного типа. Основные средства производства и государственная власть не находятся в руках эксплуататорских классов. В Югославии продолжают сохраняться основы общественного строя, характерного для переходного периода от капитализма к социализму, – многоукладность экономики при наличии общественной собственности на основные средства производства»¹⁵. Установление дружеских отношений с СССР и его союзниками, как подчеркивалось в установочных документах, способствовало бы отказу югославских руководителей от «ложных» антимарксистских представлений, сложившихся после 1948 г. под воздействием социал-демократических доктрин, воспрепятствовало бы тенденциям к реставрации капитализма в стране, ослабило бы западное влияние.

14 Представлены на обсуждение к заседанию Президиума ЦК КПСС от 19 мая. См. проект Директив: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. Постановления. 1954–1958. М., 2006. С. 48–60.

15 Там же. С. 64.

Большое значение придавалось обоснованию мотивов визита в Белград, призванного стать прорывом в деле налаживания отношений двух еще совсем недавно заклятых врагов; прибегая к соответствующим аргументам, официальную позицию предстояло в концентрированном виде довести до широкой публики через прессу и политагитаторов. Позже, на июльском пленуме ЦК 1955 г., Хрущев говорил о ненормальности положения, когда СССР находился во враждебных отношениях со страной, строившей социализм. Согласно его представлениям, разделяемым большинством соратников по партийному руководству, сближение с Югославией позволило бы сузить фронт «агрессивного империалистического лагеря», что означало бы несомненный политический выигрыш¹⁶.

Как в ходе бесед с югославами, так и в пропагандистском обеспечении визита никак нельзя было обойти вопрос о причинах разрыва и ответственности за него конкретных лиц. На смену трактовкам, возлагавшим главную ответственность на югославскую сторону, к весне 1955 г. пришли другие, более сбалансированные, в которых речь скорее уже велась о равной ответственности обеих сторон, все более критически оценивалась политика сталинских времен, приведшая к неоправданному выталкиванию стратегически важной страны из формирующегося народно-демократического лагеря. При всей допустимости критики неприемлемых тенденций в политике КПЮ разрыв с Югославией, согласно скорректированному видению Москвы, нанес ущерб делу социализма, затруднив возможности советского влияния на внутривнутриполитические процессы в этой стране и дав империалистам повод использовать конфликт в своих целях. Вместе с тем велик был соблазн все валить на Берию. Нормализация на основе признания ответственности Сталина не устраивала руководство КПСС, что проявилось в ходе первых же бесед советских и югославских лидеров в дни поездки делегации во главе с Хрущевым в ФНРЮ, состоявшейся 27 мая – 2 июня 1955 г.¹⁷

Особая позиция Молотова последовательно проявилась при обсуждении на заседаниях Президиума ЦК КПСС 19, 23 и 25 мая стратегии предстоящих переговоров с югославами. Ее суть

16 См.: Советско-югославские отношения. Из документов июльского пленума ЦК КПСС 1955 г. // Исторический архив. 1999. № 2. С. 3–62; 1999. № 5. С. 3–50.

17 См.: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. М., 2014. Т. 1. 1946–1964.

заклучалась в том, что «в 1948 году югославы отошли от позиции народной демократии на путь буржуазно-националистический», а ныне своей внешней политикой «пытаются ослабить наш лагерь»; соответственно, не надо «создавать впечатление, что они верны марксизму-ленинизму» и ставить заведомо недостижимую задачу о выработке с ними совместного коммюнике по партийной линии¹⁸. При всем осознании членами Президиума ЦК КПСС трудностей, стоявших на пути к достижению взаимопонимания с руководством СКЮ, особая точка зрения Молотова не переломила решимости его соратников не терять из виду задачу-максимум – установления не только нормальных межгосударственных отношений, но и межпартийных связей, основанных на идеологической близости¹⁹.

О планах сближения с ФНРЮ и СКЮ были информированы союзники Москвы. 23 мая Президиум ЦК КПСС утвердил телеграмму руководства партий – членов Информбюро²⁰. В ней предлагалось отменить резолюцию «Югославская компартия во власти убийц и шпионов» (ноябрь 1949 г.), принятую в условиях, когда «стороны находились в состоянии вражды и обоюдных нападков». В документе признавалось, что многие обвинения со стороны Коминформа в адрес компартии Югославии были необоснованными; вина за их фабрикацию в соответствии со все еще доминировавшими весной 1955 г. установками возлагалась на злонамеренные действия Берии, Абакумова и их агентуры. Что касается резолюции Второго совещания Информбюро (июнь 1948 г.) о положении в КПЮ, то ее предполагалось оставить в силе с некоторыми оговорками. Хотя критика в ней КПЮ по ряду принципиальных вопросов была признана в целом допустимой в отношениях между компартиями, вместе с тем отмечалось, что в резолюции содержались также необоснованные обвинения и неприемлемый призыв к смене руководства КПЮ, что выходило за пределы компетенции Информбюро – об этом предполагалось самокритично заявить югославам в ходе переговоров.

Поездка советской делегации на высшем уровне в Белград явилась важным шагом в процессе нормализации советско-югославских межгосударственных отношений, что нашло отражение

18 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2003. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. С. 42, 45.

19 Это нашло отражение в подготовленном проекте межпартийного заявления: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. С. 84–85.

20 Там же. С. 88–90.

и в подписанной по итогам переговоров Декларации, опубликованной в прессе. Однако первая после восстановления отношений встреча лидеров двух стран показала нежелание команды Тито отказываться от проведения независимой, внеблоковой внешней политики. Если для Хрущева сверхзадачами визита в Белград были возвращение Югославии в сферу влияния СССР и вовлечение ее в советский лагерь, процесс формирования которого нашел организационное завершение в подписании Варшавского договора 14 мая 1955 г., за неполные две недели до отправления советской делегации в Белград, то достичь этих целей явно не удалось. Итоги визита оправдали скорее ожидания Молотова, в спорах с соратниками последовательно упировавшего на то, что в деле сближения двух партий на единой идейной платформе едва ли удастся достичь значительного продвижения. Хрущев ждал от югославов слишком многого, тогда как его постоянный оппонент Молотов смотрел на перспективы двустороннего сотрудничества куда более сдержанно и реалистично. Разногласия между ними вновь проявились на заседаниях Президиума ЦК КПСС 6 и 8 июня; на первом из них Хрущев выступил с докладом о поездке в Югославию, тогда как на втором обсуждался проект письма ЦК КПСС центральным комитетам братских партий об итогах переговоров²¹. Молотов признал, что результаты поездки были большими и положительными с точки зрения выстраивания межгосударственных отношений, тогда как «по партийной линии – не добились результатов»²². Он продолжал настаивать на своей прежней позиции²³ и отражении ее в письме другим партиям, что не получило поддержки его соратников по партийному руководству.

Упорство Молотова, который и в своем хорошо выстроенном выступлении на июльском пленуме продолжал убедительно демонстрировать скептицизм в отношении перспектив дальнейшего сближения с Югославией, поставило его под удар Хрущева, обвинившего министра иностранных дел в том, что его позиция обрекает партию на пассивность. Это нашло отражение и в принятом постановлении²⁴. Вместе с тем руководство КПСС, отмечая определенные успехи

21 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 47–54.

22 Там же. С. 53.

23 «Наши отношения с Югославией ухудшились из-за националистического уклона». См. там же.

24 Подробнее об обсуждении вопроса на пленуме см.: *Едемский А. Б.* От конфликта к нормализации... С. 494–504.

в развитии начиная с середины 1955 г. контактов по государственной линии, в своих последующих документах не могло не признать, что попытки решить задачу-максимум, т. е. установить идейное единство между КПСС и СКЮ, пока не увенчались успехом. Так, во внутрипартийном документе, относящемся уже к январю 1956 г., со всей откровенностью было замечено: хотя «сближение Югославии в ряде коренных вопросов с социалистическим лагерем» и происходит (пусть не без шероховатостей), вместе с тем «нельзя признать удовлетворительными итоги в деле сближения по партийной линии»; до установления между двумя партиями прочного единства взглядов на принципах марксизма-ленинизма, «надо прямо сказать, еще далеко»²⁵.

Все это, однако, не охладило решимости Хрущева готовить новые прорывы на югославском направлении. Задача установления союзнических отношений с титовской Югославией по-прежнему рассматривалась им и многими в его окружении в качестве приоритетной, и ради ее осуществления советское руководство было готово пойти на серьезные уступки Белграду. Окончательное решение о роспуске Коминформа, публично озвученное в апреле 1956 г., явилось не просто давно назревшим отказом от неэффективной, отжившей себя формы сотрудничества компартий, это был явный жест в адрес СКЮ. Учитывая роль Коминформа в осуществлении массивной антиюгославской кампании 1948–1952 гг., Москва пыталась в преддверии новой встречи с Тито, намеченной на июнь, устранить существенное препятствие, стоявшее на пути поступательного развития советско-югославских отношений²⁶.

25 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. С. 179–183. О справедливости такой оценки свидетельствовала и неготовность СКЮ послать свою делегацию на открывшийся 14 февраля 1956 г. XX съезд КПСС. В Белграде мотивировали отказ несколькими соображениями: чтобы не создавать в мире впечатления, будто ФНРЮ сближается с советским блоком и готова присоединиться к Варшавскому договору; чтобы не дать западным державам повода отказать Югославии в экономической помощи; и из-за того, что компартии восточноевропейских стран не спешили устанавливать контакты с СКЮ. Было направлено только приветственное письмо от ЦК СКЮ, зачитанное на съезде, где посол ФНРЮ Д. Видич присутствовал в качестве наблюдателя.

26 См.: *Стыкалин А. С.* Советско-югославское сближение 1955–1956 гг. и роспуск Коминформа // 1953-й. Подведение итогов и выбор пути. Материалы XV Международной научной конференции. Екатеринбург, 21–24 июня 2023 г. / отв. ред. А. К. Сорокин. М., 2023. С. 564–579.

И. Броз Тито в ходе своего многодневного (с 1 по 23 июня 1956 г.) визита в СССР был принят с большой помпой. В угоду решению поставленной стратегической задачи в Москве были готовы даже провести существенные кадровые перестановки, в частности, отстранить с поста министра иностранных дел (с переводом на другой пост) Молотова, продолжавшего сохранять особое мнение в югославском вопросе. Однако при всей серьезности приготовлений сверхзадача переговоров и на этот раз не была решена, результатами июньского визита Тито в Кремле не были довольны. Охотно соглашаясь торговать и развивать многообразные связи с СССР на выгодных условиях, руководство ФНРЮ в то же время нисколько не хотело поступаться суверенитетом своего государства и продолжало дистанцироваться от советского лагеря, не проявив, в частности, никакого желания к вступлению страны в ОВД и СЭВ. Подписанная межпартийная Декларация носила явно компромиссный характер со стороны КПСС, в ней ничего не говорилось ни о единстве двух партий, стоящих на общей идейной платформе, ни о принадлежности Югославии к социалистическому лагерю. Протоколы заседаний Президиума ЦК КПСС отражают разочарование советской стороны в итогах переговоров с югославами. При утверждении документа на Президиуме ЦК было принято решение «сказать югославским товарищам, что мы не удовлетворены текстом декларации, но спорить не будем»²⁷. Председатель Совета министров СССР Н. А. Булганин, который, дав завтрак в Кремле в честь Тито, поднял тост «За друга, за ленинца, за нашего боевого товарища!», позже был подвергнут за это критике на заседании Президиума ЦК КПСС («Преждевременно заявление т. Булганина. Назвал т. Тито ленинцем. Неосторожен – сказать об этом надо»²⁸). Эта позиция нашла отражение и в июльском письме ЦК КПСС «братским» партиям по итогам визита Тито²⁹. Судя по тону письма, больше всего Москву заботило то, чтобы лидеры партий стран «народной демократии» не восприняли Декларацию об отношениях

27 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 35. Л. 2.

28 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 145. Упреки, адресованные Булганину, фактически означали признание правоты В. М. Молотова, который в мае 1955 г. критиковался некоторыми соратниками среди прочего за нежелание признать в Тито «ленинца». Ср.: «Нельзя бросаться обвинениями – “антиленинец”» (А. И. Микоян. Запись заседания Президиума ЦК КПСС от 19 мая 1955 г. // Там же. С. 41).

29 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 37. Л. 23.

между КПСС и СКЮ как свидетельство начавшегося принципиального пересмотра характера отношений в советском лагере на основе большего равноправия.

Развитие советско-югославских отношений весной – летом 1956 г., таким образом, подтвердило скорее правоту Молотова, с самого начала скептически относившегося к самой идее вовлечения Югославии в советский лагерь. А обнаружившиеся в ноябре 1956 г. серьезные разногласия в оценке истоков венгерского кризиса внесли дополнительные осложнения в диалог между Москвой и Белградом. Весной 1958 г. новая Программа СКЮ была подвергнута критике в рамках мирового коммунистического движения, нашедшей отражение также в итоговом документе большого московского Совещания компартий 1960 г. Последующие три десятилетия были непростой историей новых временных сближений и последующих откатов в развитии отношений двух социалистических стран при последовательном сохранении установок титовской Югославии на нейтралитет и внеблоковый статус.

Ниже публикуются анонимные (с указанием только членства в партии) письма, отражающие недоумение некоторых рядовых коммунистов в связи с развернувшейся летом 1955 г. кампанией по осуждению В. М. Молотова за его особую позицию в вопросе о сближении с Югославией. Будучи продуктом своей эпохи, они воспринимаются сегодня как свидетельство некоторого раскрепощения умов: в Советском Союзе в 1954–1955 гг. реально складывалась атмосфера, за которой с легкой руки И. Эренбурга закрепилось определение «оттепель». Снижение угрозы арестов и репрессий поднимало планку вольномыслия в обществе, в том числе в низовой партийной среде, позволяло ставить в письмах во власть (пусть пока еще анонимных) острые вопросы, которые ранее, при Сталине, затрагивать было не принято из опасений преследований. Неравнодушные отправители писем не просто демонстрировали неудовлетворенность методами партийной пропаганды, но выражали несогласие с тем, как внутри партии было поставлено обсуждение самых принципиальных принимаемых решений. Они отмечали ущербность сложившейся в ходе сталинских проработочных кампаний практики, когда на позицию того или иного лица в конкретном вопросе, объявленную неправильной, наслаивался целый ворох обвинений, зачастую имевших очень косвенное отношение к тому, что изначально послужило предметом критики. Перед взором внимательных наблюдателей представляла определенная технология наращивания обвинений: в целях компромата соответствующего

лица искусственно выстраивалась целая система его «неправильных» взглядов, неотъемлемой составной частью которой была и его позиция по конкретному вопросу, давшая повод для критики (в случае с Молотовым – его позиция по югославскому вопросу). Для того чтобы выстроить эту систему, приходилось «притягивать за уши» многие реальные или мнимые ошибки и просчеты того или иного высокопоставленного коммуниста, сделанные в ходе его многолетней карьеры, неосторожные высказывания в процессе обмена мнениями, вполне естественного в партийно-государственной работе³⁰. Часто истоки ошибочной или спорной позиции в каком-либо вопросе выискивались в давно забытых дискуссиях прежних десятилетий, и в целях подкрепления критики недобросовестно вытаскивались на поверхность старые, утратившие актуальность мнения, высказанные по совсем другим поводам, имеющие очень мало общего с предметом текущего обсуждения.

Дисциплинированным членам КПСС, знающим Устав партии и в своих письмах то и дело на него ссылающимся, старающимся не уклониться от официальной партийной линии по принципиальным вопросам (и в том числе в деле Берии), казалась совершенно неубедительной навязываемая сверху аргументация: ведь Молотова не было оснований обвинить в том, что он выступал против сближения с Югославией по государственной линии, а что касается сближения с ней по партийной линии как с «братской» социалистической страной, то он, если даже в чем-то ошибался, отстаивал свою точку зрения в пределах, допустимых Уставом партии, не посягая на единство КПСС. Вообще о реальной позиции Молотова трудно было судить, ведь она так и не была обнародована, донесена во всей полноте до партактива, представляла лишь в изложении оппонентов,

30 В «коллективном руководстве» КПСС, сменившем в марте 1953 г. сталинское единоначалие, хорошо осознавали, что любые высказывания на заседании Президиума ЦК КПСС могут быть использованы в ходе внутривластной борьбы против любого члена руководства, а потому в соответствии с негласной договоренностью стенограммы обсуждений не велись, и только постепенно сложилась практика ведения кратких рабочих записей самых важных заседаний – эту работу вел зав. общим отделом ЦК КПСС В. Н. Малин. Первые стенограммы относятся только к середине 1958 г., т. е. ко времени, когда постсталинское «коллективное руководство» КПСС сменилось новым, теперь уже хрущевским единоначалием. См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1.

что не только свидетельствовало о некорректности методов критики, но и внушало предположения, что его точка зрения, будь она изложена без всяких искажений, показалась бы партактиву более убедительной. Не нравились келейность обсуждения принципиальных вопросов, лишение более широких партийных кругов не только права высказать собственное мнение, но и элементарной информации о происходящем. В попытках не убедить коммунистов, а навязать им сверху без всяких обсуждений готовую точку зрения, заставить их, как в прежние времена, не вникая в суть, бездумно поддержать уже принятые резолюции виделось неуважение к сознательным членам партии, которое, в свою очередь, никак не могло способствовать повышению авторитета партийного руководства в их глазах. Более того, нетерпимость к особой позиции Молотова контрастировала с культивируемым уважительным отношением низового партактива к своим руководителям, которые часто оградялись от справедливой критики за вполне очевидные ошибки. Неубедительность критики вносила раздвоение в сознание, подрывала доверие к руководству, принимающему непродуманные, недальновидные, лишённые мудрости, но прежде всего расходящиеся с Уставом партии решения. Напрашивался вывод: если Устав партии дозволено нарушать членам ее руководства, то не следует требовать его соблюдения от рядовых членов КПСС. Анонимные авторы иногда не скрывали своего сомнения в способности нынешних руководителей партии вести правильную линию, в их письмах прочитывается протест против продолжающегося и после смерти Сталина (причем вопреки здравому смыслу!) навязывания новых догм и стереотипов. До XX съезда оставалось еще полгода, однако его риторика подчас предвосхищалась в письмах, адресованных во власть: речь идет об апелляции в духе времени к ленинскому стилю партийной жизни, противопоставляемому сталинским методам.

Помимо всего прочего, публикуемые письма показывают реальное влияние и авторитет Молотова в глазах партийного актива, его политический вес, не только вполне сопоставимый с политическим весом Хрущева, но и в 1955 г. во многом его превосходивший. В письмах в защиту Молотова прочитывается обеспокоенность внутрипартийного общественного мнения отчетливо видимыми разногласиями внутри партийно-государственной верхушки, чреватými обострением внутривластной борьбы. Более того, трудно было уйти от постановки вопроса в плоскости «кому это выгодно»; становилось все более очевидным, что истоки критики Молотова лежали не столько в стремлении, преодолев расхождения, утвердить оптимальную

линию партии, сколько в довольно беспринципной борьбе за власть между наследниками Сталина, а это уже подрывало доверие к партии в целом, наносило ущерб ее авторитету (это особенно заботило ветеранов КПСС, отдавших партии лучшие десятилетия жизни). И тут уже в анонимных письмах наводились на резкость некоторые моральные противоречия, связанные с половинчатой «хрущевской» десталинизацией, их отправители неизбежно выходили на проблему личной ответственности людей из окружения Сталина за то, что происходило в те десятилетия в стране. Ответственности, которую эти люди всецело хотели переложить сначала на происки Берии, потом, после одного из выступлений Маленкова, на культ личности Сталина (ими самими созданный), а затем и на Молотова: предъявление ему упреков, касающихся внешней политики, ведь тоже было своеобразной попыткой наследников Сталина отвлечь внимание от своих неблагоприятных действий, совершавшихся в ту эпоху. Особенно много вопросов такого рода возникало в связи с упомянутым в одном из писем знаменитым «ленинградским делом» 1949 г., пересмотр которого фактически состоялся уже в 1954 г. А главный вопрос сводился к тому, могут ли люди, долгие годы относившиеся к ближайшему окружению Сталина, резко изменив курс, начать все «с чистого листа» – с легкостью перешагнув через преступления, к которым сами были причастны. Правда, до столь прямых формулировок в известных нам письмах во власть дело, как правило, не доходило. Однако внимательный читатель может найти в некоторых письмах намеки на возможное привлечение к ответственности за допускавшиеся беззакония: то, что ни одна парторганизация пока не поставила вопрос об осуждении некоторых лиц за явные злоупотребления, объяснялось прежде всего бережным отношением рядовых коммунистов к руководящим кадрам, накопленному ими ценному опыту. Именно осознание невозможности полностью уклониться от ответственности за кровавое наследие сталинской эпохи делает яснее мотивы, заставившие Хрущева, причем при поддержке других членов Президиума ЦК КПСС, 9 февраля 1956 г. при обсуждении итогов работы комиссии П. Н. Поспелова инициировать вынесение на суд открывающегося XX съезда КПСС вопроса о массовых репрессиях: «Несостоятельность Сталина раскрывается как вождя. Что за вождя, если всех уничтожает. Надо проявить мужество, сказать правду [...]. Если не сказать – тогда проявим нечестность по отношению к съезду»³¹. Эту позицию поддержал тогда, пусть

31 Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. С. 99.

с некоторыми оговорками, и В. М. Молотов, наиболее последовательный охранитель сталинского наследия в советском руководстве.

Если же говорить не о партийной верхушке, а о широком общественном мнении, одним из проявлений которого можно считать и приведенные ниже письма, то оно, как и Молотов (правда, не из идейных побуждений, но исходя из здравого смысла), взирало со скептицизмом на все попытки Хрущева вовлечь в орбиту советского влияния страну, отстаившую свой суверенитет в условиях мощнейшего сталинского вызова 1948–1953 гг. Неподготовленность массового сознания к пересмотру стереотипов, сформированных в первые годы после разрыва, как нельзя лучше передает поражающий своей гротесковостью лозунг «Да здравствует тов. Тито и его клика!», размещенный на одном из плакатов в дни визита югославского лидера в СССР. Старые пропагандистские клише настолько прочно внедрились в сознание советских людей, что выветрить их оттуда в один момент было просто невозможно, как бы того ни требовало изменение политической конъюнктуры. Против этого работал и элементарный здравый смысл. Примирение с Тито воспринималось как нечто временное и преходящее, и совсем не исключались новые изменения линии партии. Исследователям еще предстоит немало сделать для изучения фольклора хрущевской эпохи, в котором тема сближения с Югославией заняла свое достойное место (образцы типа: «Дорогой товарищ Тито, / Ты нам снова друг и брат, / Нам сказал Хрущев Никита: / Ты ни в чем не виноват»). Столь же бесконтрольная, как и при Сталине, но все же несколько более заземленная власть становилась нередко объектом шуток, до весны 1953 г. немыслимых, причем насмешки были не в последнюю очередь направлены именно на зигзагообразность и непредсказуемость линии КПСС, наиболее наглядно (по крайней мере, во внешней политике) проявившиеся именно на югославском направлении. Ход событий 1956–1958 гг. вполне подтвердил правомерность ожиданий если не нового разрыва, то, во всяком случае, охлаждения отношений между СССР и Югославией. Оно действительно не замедлило произойти, посрамив чрезмерный хрущевский оптимизм образца 1955 г.

I.

Членам Президиума ЦК КПСС

т.т. Ворошилову К. Е., Микояну А. И., Кагановичу Л. М.,
Маленкову Г. М.³²

Товарищи! Обращаюсь к вам с письмом потому, что считаю опасным для партии решение «прорабатывать» во всех партийных организациях страны В. М. Молотова, за допущенные будто бы им ошибки.

В. М. Молотов – один из немногих деятелей старой ленинской школы. Он исключительно дорог партии и народу как талантливый партийный, государственный деятель, как человек незаурядного ума.

Вся страна знает, какие гнусные интриги плел вокруг него враг народа Берия. Непонятно, почему теперь против В. М. Молотова возведена новая версия. Почему наводится тень на человека, который является олицетворением преданности партии, образцом кристальной честности и несет огромный заслуженный авторитет у нашего народа и даже у народов других стран? Кому это выгодно?

Действительно ли является ошибочной позиция В. М. Молотова по югославскому вопросу, все-таки не понятно.

Из того, что стало известно коммунистам, В. М. Молотов за сближение с Югославией по линии государственной и против сближения по линии партийной. Однако вопрос доводится до сведения коммунистов в одностороннем освещении. Точка зрения В. М. Молотова дается в истолковании других, а не в подлиннике. Его аргументов, кроме участников пленума, никто не знает.

К ошибочной позиции В. М. Молотова по югославскому вопросу искусственно насаивается целая «система ошибок» по вопросам внутренней политики. Возводятся в «ошибки» мнения, высказанные В. М. Молотовым в то или иное время при обсуждении хозяйственных вопросов.

Но всем ясно, что без обмена мнений немыслима никакая деловая государственная или партийная деятельность.

Допустим даже, что в югославском вопросе В. М. Молотов стоял на ошибочной позиции. Но разве обязательно за это его обсуждать на всех партийных собраниях страны? Если уже говорить об ошибках, то разве каждый из вас, б. членов политбюро, не несет ответственности за все, что имело место и к чему привела ваша пассивная позиция, скажем, в таких вопросах, как в сельском хозяйстве или так наз. «ленинградском деле»?

³² При публикации писем исправлены явные описки. Пунктуация дана в соответствии с современными правилами.

Тем не менее вас персонально за это ни одна организация не осудила, это свидетельство того, какой выдержкой обладают в своей массе коммунисты; насколько бережно они относятся к руководителям партии и государства, как высоко они ценят их личный опыт политического и хозяйственного руководства страной.

Решение Президиума и Пленума ЦК в отношении В. М. Молотова, напротив, говорит о нетерпимости со стороны нынешнего руководства к ошибкам (если даже действительно они есть) у других.

Почему семь миллионов коммунистов должны сказать, что они осуждают ошибки В. М. Молотова?

Что предосудительного в том, что он, в пределах, дозволенных Уставом партии, отстаивал свою точку зрения по югославскому вопросу?

Конечно, ни одна партийная организация не выступит против ЦК. После решения пленума ЦК не могут открыто выступить по этому вопросу и коммунисты, каждое такое выступление будет означать призыв к выступлению против ЦК.

Искренне заинтересованные в соблюдении партийной дисциплины, не желающие никакого разлада в рядах партии члены партии понимают величайший вред этого для нашего общего дела.

Официальные решения активов и партийных собраний по итогам июльского пленума ЦК, конечно, будут говорить о единстве партии.

Но поверьте, дорогие товарищи, внутреннее убеждение о необъективности по отношению к В. М. Молотову вносит раздвоение в сознание и поступки многих коммунистов. Несогласие глубоко оседает на душе.

К большому огорчению, приходится признать, что решение в отношении В. М. Молотова и практические меры, которые последовали за этим, лишены мудрости, свойственной нашему ЦК. Больше того, они просто неразумны и причиняют вред.

Такая практика подрывает доверие к людям, стоящим во главе высших партийных органов, ослабляют веру масс в их способность достойно стоять на высоте положения.

Разве можно так ослаблять позиции центральных органов нашей партии?

Считаю, что надо сделать все зависящее от нас и, в частности, от вас, облаченных высоким доверием партийных масс, чтобы внести успокоение в ряды партии. Надо устранить, пока не поздно, все, что мешает нашему движению вперед.

Член партии.
29 июля 1955 г.

II.

Секретарю ЦК КПСС т. Хрущеву Н. С.

Копия тт. К. Е. Ворошилову, В. М. Молотову, А. И. Микояну,
Г. М. Маленкову, Л. М. Кагановичу

Никита Сергеевич!

Впервые за четверть века активной работы в партии я решил обратиться с письмом в высшую партийную инстанцию. Дело в том, что меня и других коммунистов глубоко взволновали и не дают покоя разногласия в партии, возникшие в последнее время.

Я ознакомился с Вашим докладом «Об итогах советско-югославских переговоров» и резолюцией июльского Пленума ЦК³³.

Должен Вам сказать, что, несмотря на подробное изложение истории вопроса с Югославией, я все-таки убежден в том, что В. М. Молотов не занимал ошибочную позицию в югославском вопросе.

Опубликованная в газетах 30 июля с. г. речь Тито лишь подтверждает правоту позиции В. М. Молотова³⁴. Всем известно, что основным методом ленинизма является метод убеждения. Миллионам коммунистов невозможно приказать поверить в ту или иную истину. Они должны сами убедиться в правильности той или иной точки зрения.

Вы игнорируете в данном случае это основное требование ленинизма. Для ознакомления коммунистов с существом дела

33 Советско-югославские отношения...

34 «Правда» в этот день в информационном сообщении ТАСС подробно изложила содержание программной речи Тито, с которой он выступил 27 июля на митинге в Карловаце (Хорватия). Он отметил успехи в нормализации межгосударственных отношений с СССР и в то же время заметил, что члены советской делегации, посетившей Югославию, убедились и согласились с тем, что «Югославия – независимая страна и что она хочет остаться независимой как от Запада, так и от Востока, что она имеет свой путь развития и что она не может позволить кому-либо вмешиваться в ее внутренние дела». Тито продолжал: «Мы – коммунисты. Но мы не желаем быть ни в каком лагере, мы хотим быть независимой страной, которая строит социализм и которая своим примером показывает, какой путь строительства социализма лучше – наш или их». Югославский лидер также подчеркнул: сближение с СССР не означает, что Югославия откажется от активного сотрудничества с западными странами на основе невмешательства во внутренние дела, она будет принимать западную помощь только на приемлемых для себя условиях.

по югославскому вопросу дан Ваш доклад и резолюция по докладу. Объективность дела требовала, чтобы до сведения членов партии была доведена также и речь В. М. Молотова. Однако это сознательно не делается.

В то же время требуется, чтобы позиция В. М. Молотова была осуждена всеми партийными организациями. Стало быть, Вы не хотите, чтобы члены партии сознательно подходили к вопросу. Вы заинтересованы в том, чтобы коммунисты просто подчинялись решениям вышестоящей инстанции. Разве это по-ленински? Это нельзя расценивать иначе, чем злоупотребление ленинским принципом централизма.

При таком положении вещей коммунисты – самая сознательная часть нашего общества – ставятся просто в нелепое положение.

С одной стороны, перед ними однобокая резолюция, резко осуждающая человека во всех грехах, которую они не могут не принять под страхом политической смерти.

С другой стороны – живой человек, за плечами которого полвека самоотверженной борьбы за дело партии, за ленинизм, и точка зрения которого по югославскому вопросу миллионам людей неизвестна.

Да разве так положено делать в нашей партии? Разве это соответствует Уставу партии и организационным принципам ленинизма?

Ничего подобного! Это настоящий произвол, это какое-то политическое интриганство, чуждое духу нашей партии!

Неужели не понятно, что этим подрывается авторитет центральных организаций партии, порождается в рядах коммунистов неуверенность в способности нынешних руководителей вести правильную линию.

Этого никогда не было в рядах нашей партии! Где же Ваши связи с партийной массой, если Вы подлинных настроений членов партии не понимаете. На какой опасный путь Вы толкаете партию?

Нельзя до бесконечности эксплуатировать терпение коммунистов. Хочу одного: сделайте, наконец, необходимые выводы из этого чистосердечного письма.

КОММУНИСТ

2 августа 1955 г.

Источники и литература

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).

Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М.: Институт славяноведения РАН, 2002. 310 с.

Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. М.: Международный фонд «Демократия», 2014. Т. 1. 1946–1964. 880 с.

Георгий Жуков: Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие материалы. М.: Международный фонд «Демократия», 2001. 820 с.

Гибанский Л. Я. Форсирование советской блоковой политики // Холодная война. 1945–1963. Историческая ретроспектива / отв. ред. Н. И. Егорова, А. О. Чубарьян. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. С. 137–186.

Дело Берии. Пленум ЦК КПСС 2–7 июля 1953 г. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 139–214.

Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М.: Наука, 2008. 616 с.

Молотов, Маленков, Каганович. 1957: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: Международный фонд «Демократия», 1998. 859 с.

Москва и Восточная Европа. Советско-югославский конфликт и страны советского блока, 1946–1953 гг. Очерки истории / отв. ред. А. С. Аникеев. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. 432 с.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М.: РОССПЭН, 2003. 1344 с.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М.: РОССПЭН, 2006. Т. 2. Постановления. 1954–1958. 1120 с.

Советско-югославские отношения. Из документов июльского пленума ЦК КПСС 1955 г. // Исторический архив. 1999. № 2. С. 3–62; 1999. № 5. С. 3–50.

Совещания Коминформа. 1947/1948/1949. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 1998. 754 с.

Стыкалин А. С. Советско-югославское сближение 1955–1956 гг. и роспуск Коминформа // 1953-й. Подведение итогов и выбор пути. Материалы XV Международной научной конференции. Екатеринбург, 21–24 июня 2023 г. / отв. ред. А. К. Сорокин. М.: РОССПЭН; Ельцин-центр, 2023. С. 564–579.

Хорняк А. Венгеро-югославская пограничная полоса в годы разрыва И. В. Сталина и Й. Броза Тито // Россия и Венгрия на перекрестках европейской истории. Ставрополь: изд-во СКФУ, 2016. Вып. II. С. 209–222.

References

Anikeev, A. S. *Kak Tito ot Stalina ushel: Iugoslaviia, SSSR I SShA v nachal'nyi period "kholodnoi voimy" (1945–1957)*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2002, 310 p.

“Delo Berii. Plenum TsK KPSS 2–7 iulia 1953 g. Stenograficheskii otchet.” *Izvestiia TsK KPSS*, 1991, No 1, pp. 139–214.

Edemskii, A. B. *Ot konflikta k normalizatsii. Sovetsko-iugoslavskie otnosheniia v 1953–1956 godakh*. Moscow: Nauka, 2008, 616 p.

Georgii Zhukov: *Stenogramma oktiabrskogo (1957 g.) plenuma TsK KPSS i drugie materialy*. Moscow: Mezhdunarodnyi fond “Demokratiia”, 2001, 820 p.

Gibianskii, L. Ia. “Forsirovanie sovetskoii blokovoii politiki.” *Kholodnaia voina. 1945–1963. Istoricheskaiia retrospektiva*, ed. by N. I. Egorova, A. O. Chubarian. Moscow: OLMA-PRESS, 2023, pp. 137–186.

Hornýák, Á. “Vengersko-iugoslavskaiia pogranichnaia polosa v gody razryva I. V. Stalina i J. Broza Tito.” *Rossiia i Vengriia na perekrestkakh evropeiskoi istorii*. Vol. II. Stavropol': Izdatel'stvo SKFU, 2016, pp. 209–222.

Molotov, Malenkov, Kaganovich. 1957: *Stenogramma i iun'skogo plenuma TsK KPSS I drugie dokumenty*. Moscow: Mezhdunarodnyi fond “Demokratiia”, 1998, 859 p.

Moskva i Vostochnaia Evropa. Sovetsko-iugoslavskii konflikt i strany sovetskogo bloka, 1946–1953 gg. Ocherki istorii, ed. by A. S. Anikeev. Moscow–St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2017, 432 p.

Presidium TsK KPSS. Vol. 1. Chernovye protokol'nye zapisi zasedanii. Stenogrammy. Moscow: ROSSPEN, 2003, 1344 p.

Presidium TsK KPSS. Vol. 2. Postanovleniia. Moscow: ROSSPEN, 2006, 1120 p.

Soveshchaniia Kominforma. 1947/1948/1949. Dokumenty i materialy. Moscow: ROSSPEN, 1998, 754 p.

“Sovetsko-iugoslavskie otnosheniia. Iz dokumentov i iun'skogo plenuma TsK KPSS 1955 g.” *Istoricheskii arkhiv*, 1999, No 2, pp. 3–62; No 5, pp. 3–50.

Stykalin, A. S. “Sovetsko-iugoslavskoe sblizhenie 1955–1956 gg. i rospusk Kominforma.” *1953-yi. Podvedenie itogov i vybor puti. Materialy XV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Ekaterinburg, 21–24 iunia 2023 g.*, ed. by A. K. Sorokin. Moscow: ROSSPEN, El'tsin-tsentr, 2023, pp. 564–579.

Vstrechi i peregovory na vysshem urovne rukovoditelei SSSR i Iugoslavii v 1946–1980. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnyi fond “Demokratiia”, 2014, 880 p.

**“You Cannot Endlessly Exploit the Patience of Communists...”
The Special Position of V. M. Molotov on the Issue of Rapprochement
with Yugoslavia and Its Criticism by N. S. Khrushchev Viewed
by Ordinary Members of the CPSU (1955)**

Alexander S. Stykalin

Candidate of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

Leading specialist

Russian State Archive of Social-Political History

125009, Bol'shaya Dmitrovka 15, Moscow, Russian Federation

E-mail: zhurslav@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0834-9090

Citation

Stykalin A. S. “You Cannot Endlessly Exploit the Patience of Communists...” The Special Position of V. M. Molotov on the Issue of Rapprochement with Yugoslavia and Its Criticism by N. S. Khrushchev Viewed by Ordinary Members of the CPSU (1955) // *Slavic Almanac*. 2024. No 3–4. P. 427–453 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2024.3-4.22

Received: 06.05.2024.

Abstract

After Stalin's death on March 5, 1953, his successors in the Kremlin leadership faced the need to correct to some extent the confrontational foreign policy of the USSR. The Soviet-Yugoslav conflict, which continued to remain a serious source of tension not only on a regional, but also on a pan-European scale, also required a solution. By the beginning of 1955, two approaches were taking shape in Soviet policy on the Yugoslav question. V. M. Molotov proposed to normalize the relations with Yugoslavia according to the standards of relations with an “ordinary capitalist state” (including some revival of economic ties with it). N. S. Khrushchev, with the support of the majority of members of the Presidium of the CPSU Central Committee, proposed to take a course towards involving this large and strategically important Balkan country in the Soviet camp, hoping that this would become a clear foreign policy success for the USSR. Molotov's position turned out to be more realistic – Tito's Yugoslavia, interested in normalizing relations and expand-

ing cooperation with the USSR, at the same time strongly resisted any attempts to limit its sovereignty. Having not solved the assigned foreign policy problem, Khrushchev at the same time used the special opinion of his opponent to weaken his position in the leadership of the CPSU. This caused misunderstanding in the party circles. The anonymous letters included in our publication show that in the atmosphere of the thaw of the mid-1950s, ordinary communists increasingly raised sharp issues that during Stalin's lifetime it was not customary to raise for fear of persecution. They, in particular, paid attention to incorrectness of criticism of Molotov in July 1955 at the session of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, which was based not so much on the search for an optimal political course, but on an unprincipled struggle for power, which, according to the senders of the letters, could damage the authority of the party.

Keywords

Soviet-Yugoslav relations, N. S. Khrushchev, V. M. Molotov, J. Broz Tito, the struggle for power in the USSR after 1953, the thaw of the mid-1950s in the USSR, public opinion in the USSR, letters to the authorities.